

Н.В. РОСТИСЛАВЛЕВА

ПРОБЛЕМА "ИСТОРИК И ПОЛИТИКА" В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.К. ДАЛЬМАНА (1785–1860)

Историческое знание в Германии XIX в. до сих пор вызывает пристальный интерес исследователей. В современных обобщающих историографических трудах Г. Гуча, Г. Иггера мы можем обнаружить размышления о Л. Ранке, Т. Моммзене, К. Лампрехте, Я. Буркхардте¹. Все это историки, с именами которых связаны крупные научные школы или новые для немецкой исторической науки того периода направления, вплоть до институализации междисциплинарных исследований. Так, Л. фон Ранке известен как создатель критического метода познания истории, на многие десятилетия определившего развитие исторического знания в Германии. Именно благодаря Ранке утвердился приоритет политической истории. Но не следует упрощать ранкеанское понимание истории, сводя его к формуле "показать, как это собственно было", поскольку в трудах Ранке можно обнаружить и довольно серьезный уровень обобщений, например, в сочинении "Об эпохах новой истории"². Историописание Ранке было признано ортодоксальным сообществом германских историков образцом и высшим достижением немецкой исторической науки, не случайно неоранкеанство продолжало существовать и в XX в.

Как ниспровергатели ранкеанских принципов познания истории вошли в анналы науки К. Лампрехт и Я. Буркхардт. Оба историка полагали, что культура является во многом ведущим фактором в развитии человеческого сообщества, оба не разделяли ранкеанскую парадигму. Лампрехт был также одним из немногих позитивистских историков Германии. Его главное сочинение – 16-томная "История Германии" – на рубеже веков вызвала бурную полемику, что корректно рассматривать как проявление синкретизма историографии Вильгельмовской Германии, для которой характерно как следование традиции, так и разрыв с ней и поиск нового опыта. Лампрехт создавал свой главный труд с целью "показать плодотворное влияние материальных и культурных потоков на немецкую историю и определить совокупность материальной и духовной культуры как единую основу и ступени прогресса"³. Другая методологическая парадигма работы – эволюция социальной психологии. Учение о культурно-исторических эпохах – исходный пункт концепции универсальной истории Лампрехта. В таком ключе еще никто не писал о прошлом Германии. Лампрехт в духе позитивизма выступал за тандем гуманитарных и естественных наук, многое сделал для конституирования региональной истории в самостоятельную дисциплину, был руководителем географического семинара и надеялся, что синтез истории и географии позволит распространить в историческом знании естественно-научный метод и это сделает его независимым от субъективного фактора.

Ростиславлева Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Gooch G.P. History and Historians in the Nineteenth Century. London, 1958; Iggers G.G. Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Göttingen, 1996.

² Об этом подробнее см. *Ростиславлева Н.В.* От Шлоссера к Ранке: истинная или мнимая прерывность исторического знания. – Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 4. М., 2001, с. 213–220.

³ Цит по: *Steinberg H.-J.* Karl Lamprecht. – Deutsche Historiker. Hrsg. von H.-U. Wehler. Göttingen, 1973, S. 59.

Т. Моммзен, обладатель Нобелевской премии, обрел всемирную славу благодаря трехтомной "Римской истории". Он излагал в основном военно-политическую историю Рима с элементами социальной. Научное наследие Моммзена впечатляет: он автор 1513 работ по всем вопросам истории Рима. По сути, именно его работы заложили основы научной истории Древнего Рима⁴.

Историки Германии позапрошлого века одними из первых в Европе начали создавать исторические сообщества. Наиболее известные из них – Гейдельбергская школа Ф. Шлоссера и Берлинская школа Л. Ранке. Под знаком их соперничества в середине XIX в. происходило плодотворное развитие исторического знания и формировались присущие этим школам типы коммуникации.

Другим примером коммуникации историков Германии были коллективные публикации документов. С 1819 г. началось инициированное бароном К. фон Штейном издание источников по истории Германии "Monumentae Germaniae Historica" ("Документы германской истории"). Яркие страницы исторического знания XIX в. – это и дискуссионное сотрудничество историков на страницах "Анналов" под редакцией К. фон Роттека или "Исторического журнала" ("Historische Zeitschrift")⁵, сохранившего свою научную актуальность до наших дней. Но особенность развития исторического знания в Германии XIX в. заключалась прежде всего в пристальном внимании историков к политике. Более того, политические мотивы в некоторых исторических трудах не просто "читались между строк", но были основной целью создания исторического произведения.

В XIX в. большинство крупных историков в той или иной степени становились причастными к политике. Причем не только в Германии, которая была "пропитана" политикой в силу нерешенного "немецкого вопроса", но и в других западноевропейских странах. Однако именно в Германии появились наиболее яркие популярные работы в жанре политической публицистики. Политические мотивы преобладали в исторических сочинениях Роттека⁶, но его творчество – это не слишком репрезентативная иллюстрация, поскольку он почти не использовал в своих работах источники, не владел основами критического метода, а в дальнейшем, всерьез занявшись юриспруденцией, оставил кафедру истории и получил место профессора на кафедре государственных наук⁷.

Среди известных историков, принадлежавших или близких к Гейдельбергской школе, политическую карьеру сумели сделать Г. Гервинус, В. Циммерман, Л. Гейссер, И.Г. Дройзен и Ф.К. Дальман. Все они в той или иной степени были связаны со Шлоссером, лидером этой школы, но помимо дидактической коммуникации сотрудничали в рамках различных политических проектов. Так Дальман, Гейссер и Дройзен предприняли в 1847 г. издание "Немецкой газеты" ("Deutsche Zeitung"), призванной пропагандировать идеи немецкого единства и конституционализма. Однако научный интерес представляет не только их политическая деятельность в рамках Франкфуртского парламента, представительств германских государств или прессе, но и метаморфозы исторического знания в связи с вызовами политики.

Вопрос взаимодействия исторического знания и политики наиболее разнообразно представлен в творчестве Фридриха Кристофа Дальмана (1785–1860). Он одним из первых сумел сформулировать проблему "историк – политик" и показать, как в рамках ти-

⁴ О Т. Моммзене см. *Историки и история. Жизнь, судьба, творчество*, вып. 2. М., 1998, с. 527–567; *Историки мира*, вып. 1. М., 1998. с. 81–87.

⁵ Например, на страницах "Исторического журнала" в конце XIX в. развернулась дискуссия о сочинении К. Лампрехта "История Германии". Об этом подробнее см. *Ростиславлева Н.В.* Рецепция творчества К. Лампрехта в Германии и России. – *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*, вып. 14. М., 2005.

⁶ *Rotteck K. von.* Allgemeine Weltgeschichte für alle Stände von den frühesten Zeiten bis zum Jahre 1831, Bd. 1–4. Stuttgart, 1833; *idem.* Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten, Bd. 1–9. Freiburg in Breisgau, 1834; *idem.* Geschichte der neuesten Zeit. Hrsg. von H. v. Rotteck. Pforzheim, 1841.

⁷ О творчестве К. фон Роттека см. *Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М., 1999.

хих научных штудий историк расширяет круг своего воздействия и из рассказчика о прошлом становится учителем, способным подсказать, по каким законам должно управляться государство. В этом, полагал Дальман, и заключалась истинная сила историка, сумевшего извлечь "политическое ядро из исторической оболочки".

* * *

Дальман родился в тогда еще шведском Висмаре, учился в университете Копенгагена и в немецких университетах Галле и Виттенберга. Получив преимущественно филологическое образование, он в 1810 г. защитил диссертацию в Виттенбергском университете и стал доктором философии. Диссертация была посвящена истории и называлась "Оттокар Богемский и Рудольф Габсбург"⁸. Поскольку новоиспеченный доктор сумел найти себе работу в университете Копенгагена только в качестве доцента по древней филологии и истории, ему пришлось подтверждать свою степень. Дальман написал еще одну диссертацию – о началах афинской трагедии и комедии. Умело связав свое исследование с историей, он опубликовал его и получил положительные отклики научного сообщества Германии. Позже в университетах Копенгагена и Киля Дальман изучал право и историю. В университете Копенгагена он преподавал недолго, с 1811 по 1812 г., а с 1812 г. начал преподавать историю в Кильском университете. Немецкие ученые называли его карьеру быстрой и счастливой, но это не совсем так: места ординарного профессора он добивался в течение 17 лет, наполненных многочисленными обидами и бесконечными болезнями. И все-таки Дальман был очень рад своему возвращению в Германию: теперь он оказался причастен не только к научному, но и к политическому сообществу своего отечества⁹.

К 1819 г. Дальман уже имел собственное суждение о развитии исторического процесса и сформировал свое отношение к задачам исторической науки. В том же 1819 г. он выступил с серией докладов по проблемам универсальной истории. Докладчик утверждал, что только со времени возникновения христианства была определена идея человечества и стало возможно существование истории, которая выходит за пределы одного народа и одного государства. Реформация XVI в. создала, по его мнению, новые условия для универсальной истории, так как преобразование церковной истории отразилось и на других важнейших процессах человечества. В эпоху Просвещения, когда началось победное шествие секулярности, складывалось недостойное отношение к прошлому, которое часто ограничивалось практическими рамками просветительских теорий, и история фактически утратила предметную самостоятельность, превратившись во вспомогательную дисциплину. Дальман воспринимал такое отношение к прошлому как ошибку. Поиск основания для научной истории заставил его признать необходимость связи знания как такового с убеждением и смыслом жизни. В качестве примера, где связь истории с жизнью уже реализована и сложилась истинная государственная жизнь, Дальман приводил Англию и призывал и в Германии сделать историю фактором политики¹⁰.

Для человека, получившего преимущественно филологическое образование, такой поворот в сфере научного дискурса казался довольно неожиданным, однако, на наш взгляд, это не случайно. Как историк, Дальман не желал подчиняться философии Просвещения и поэтому стремился связать историческое знание с современностью и филологией¹¹. Дальман утверждал, что благодаря более глубокому толкованию современности пробуждается свежее чувство в интерпретации древности. В одном из последних докладов этого цикла он определял предмет истории так: "Историю необходимо изучать

⁸ Springer A. Friedrich Christoph Dahlmann, Bd. 1–2. Leipzig, 1870; Bd.1, S. 48.

⁹ Ibid., S. 65.

¹⁰ Ibid., S. 71–72.

¹¹ Scheel O. Der junge Dahlmann. Breslau, 1926, S. 8; Hansen R. Friedrich Christoph Dahlmann. – Deutsche Historiker. Hrsg. H.-U. Wehler. Göttingen, 1973, S. 515.

вместе с политикой и правом... поэтому я хотел бы показать, как практически более или менее удачно решались важнейшие задачи государства, хотел бы на практике реализовать некоторые важнейшие элементы теории... Каждый человек, входящий теперь в политику, должен быть убежден в том, что ему необходима подготовка. Ныне едва ли большинство людей знает, что им нужно, следовательно, политика должна изучаться так же, как и другие науки"¹². По мнению Дальмана, материалом для изучения политики является история трех последних веков, так как на ее примере можно понять главную задачу науки о государстве. Поэтому историк часто оказывался вовлеченным в водоворот политических событий.

Некоторое время Дальман занимался организацией своеобразного коллоквиума "Historia patria" ("История отечества"). В одном из писем он отмечал: "Сегодня я в восьмой раз выступаю с приветственным словом по поводу доклада об отечественной истории. Ни разу не делал я этого без того, чтобы не обратить внимания на трудности нашего отечества. К отечественной истории можно приближаться только с почтением и добрыми намерениями, так как слово "отечество" содержит в себе нечто природно-убедительное. Оно одинаково успешно воспринимается как нашими чувствами, так и разумом. Но естественному восхищению, которое должна вызывать отечественная история в каждой благородной душе... в нашем случае мешает то, что наша отечественная история нуждается в единстве. Она охватывает разнообразные государства, вне находятся Шлезвиг-Гольштейн... и с недавних пор Саксен-Лауенбург"¹³.

Вовлеченность многих немецких историков в политику объяснялась, как уже отмечалось, нерешенным "немецким вопросом", а после образования Германской империи – своеобразной благодарностью прусскому государству за его решение. Вместе с тем приоритет политических мотивов наблюдался не только в сочинениях и размышлениях, посвященных отечественной истории, но и в трудах, затрагивавших проблемы всеобщей истории.

Поскольку Дальмана более всего интересовало развитие политической истории, летом 1843 г. он выступил с серией докладов по истории Великобритании XVI–XVII вв. В феврале следующего года вышла в свет его "История Английской революции"¹⁴, которая до 1848 г. выдержала еще пять изданий. Успех пробудил в авторе вкус к литературно-историческому творчеству, он задумал написать историю Германии, начиная с периода правления Карла V, однако пришел к выводу, что время для создания подобных работ еще не наступило.

В 1845 г. И. фон Гумплах издал "Разъяснения и уточнения к дальмановской истории Английской революции. Тюдоры", где речь идет прежде всего о недостатках сочинения Дальмана, о его многочисленных фактических ошибках. Гумплах полагал, что профессор слишком мало времени занимался английской историей и потому, несмотря на свои политические заслуги, не вправе отягощать немецкую читающую публику грузом исторических ошибок¹⁵. Впрочем, подобные публикации не сильно повлияли на популярность "Истории Английской революции".

Летом 1844 г. Дальман прочел цикл лекций по истории Французской революции и на основе этого материала начал готовить к изданию рукопись. В письме к издателю С. Хиртцелю от 5 февраля 1845 г. он сообщал, что отправил ему свою рукопись, но собирается продолжить работу над ней и намерен создать труд в четырех томах. В данной ситуации, подчеркивал Дальман, он не может писать современную историю Германии, поэтому французские сюжеты – единственный способ высказать и донести до читаю-

¹² Цит по: Springer A. Op. cit., Bd. 1, S. 73.

¹³ Ibid., S. 74.

¹⁴ Dahlmann F.C. Geschichte der englischen Revolution. Leipzig, 1844.

¹⁵ Gumplach J. von. Erläuterung und Berichtigungen zu Dahlmanns Geschichte der englischen Revolution. Die Tudors. Darmstadt, 1845, S. III–IV.

щей публики свои идеи¹⁶. В сентябре 1845 г. сочинение было издано¹⁷, а через два года последовало новое издание. Оба сочинения – об Англии и Франции, – которые стали называть "Две революции", получили большой общественный резонанс. Успех превзошел все ожидания. Г. Гервинус и В. фон Энзе не скупилась на похвалы, но раздавались и другие мнения. Скажем, профессор лейпцигского университета Ф. Бюлау полагал, что в книгах Дальмана наука унижена, поскольку в них не нашли воплощения академические принципы¹⁸. Действительно, хотя автор оперировал историческим материалом, на его основе он прежде всего стремился утвердить свой политический идеал. Так, Английская революция была для него борьбой за политическую свободу, и она завершилась после воцарения Вильгельма III, который сумел сделать актуальными важнейшие государственные вопросы, касающиеся политической свободы народов, заявив, что цель его правления – восстановление прав и свобод в королевстве и их защита¹⁹.

"Историю Французской революции" Дальман довел до казни Людовика XVI и второго раздела Польши и закончил ее такими словами: "Если смертным даны предписания свыше, облегчающие им жизненный путь, то они принимаются во внимание и помогают осознать, что за убийством короля последует холодно спланированное убийство народа. С тех пор прошло немало времени, те люди, которые тогда были детьми, теперь наши современники, но связь между убийством короля и несчастьем народа сохраняет свое значение, подвергая попирающих ее невыразимым страданиям. И, тем не менее, не все хотят понять, что такой способ преобразования монархических порядков, опирающийся на использование элементов античных республик, – это бесчувствие и злодеяние; другие упрямо хватаются за отстойный образец неограниченной монархии, которая, конечно, имела свои незабвенные времена, но сейчас покинута верой народов и производит такой же суетный шум, как спицы колеса, чья втулка пришла в негодность"²⁰.

В этих книгах между строк просматривались аналогии с прусской монархией: размышляя об Англии и Франции, Дальман думал о Германии, – и это не ускользнуло от внимания вдумчивых читателей. Так, Гервинус отмечал, что, несмотря на историческую форму, сочинение Дальмана о Французской революции помогало прусским патриотам осознать свои задачи²¹. Сам Дальман в одном из писем подчеркивал, что закончил историю Французской революции учреждением республики, не желая видеть и принимать те события, которые последовали за казнью короля, но и не отрицая необходимости решительной борьбы за разделяемый им политический идеал²². Автор верно почувствовал, что Германии 40-х годов XIX в. были необходимы такие исторические произведения, которые воспринимались бы прежде всего как политические. Их публикация – свидетельство изменения умонастроений социума, появления граждан с активной позицией, которые искали пути воздействия на современников, приводили обществу веские аргументы, доказывавшие необходимость свержения абсолютистских режимов в Германии. Эти сочинения хорошо иллюстрировали и европейский исторический контекст в целом. Поэтому, несмотря на наличие фактических ошибок, им не случайно сопутствовал громкий успех. Обе книги распространялись в кругах, прежде далеких от научных штудий. В. фон Энзе на страницах газеты "Алгемайне цайтунг" сравнил их с политическими листовками и назвал "истинно народными книгами"²³.

Творчество Дальмана являет нам не только политически заостренные произведения, но и серьезные исторические исследования. При этом следует отметить, что подобные

¹⁶ См. *Springer A.* Op. cit., Bd. 2, S. 147.

¹⁷ *Dahlmann F.C.* Geschichte der französischen Revolution bis auf die Stiftung der Republik. Leipzig, 1845.

¹⁸ См. *Springer A.* Op. cit., Bd. 2, S. 149–150.

¹⁹ *Dahlmann F.C.* Geschichte der englischen Revolution, S. 377.

²⁰ *Dahlman F.C.* Geschichte der französischen Revolution, S. 475–476.

²¹ См. *Springer A.* Op. cit., Bd. 2, S. 151.

²² *Ibid.*, S. 151–152.

²³ Цит по: *ibid.*, S. 148.

работы ученого появлялись либо в период его вынужденного политического бездействия, либо в связи с политическими неудачами или его опалой как либерального политика.

Осенью 1818 г. Дальман активно поддержал идею о даровании конституции герцогству Гольштейн. На основе решений Венского конгресса герцогство, по-прежнему бывшее частью датского королевства, вошло в состав Германского союза. Официально в Союзном сейме (Бундестаге) его представлял король Дании. В Союзном акте, являвшемся чем-то вроде конституции Германского союза, было довольно много положений, которые требовали дальнейших подзаконных актов, поскольку давали возможность для противоречивых толкований. Таким, к примеру, был параграф 13-й, гласивший: "In allen Bundesstaaten wird eine landstaendische Verfassung stattfinden" ("Во всех союзных государствах будут введены конституции с сословным представительством"). Выражение "landstaendische Verfassung" можно было понимать и как указание на введение конституции с сословным представительством, и как распоряжение восстановить существовавшие прежде сословные земские (государственные) чины²⁴. Король Дании вообще не хотел выполнять этот параграф Союзного акта, и Дальман решил добиться его разъяснения со стороны Союзного сейма. Он подготовил в адрес сейма меморандум (Denkschrift), где настаивал на прояснении юридических тонкостей 13-го параграфа²⁵. Меморандум, написанный от имени прелатов и рыцарства герцогства Гольштейн, содержал требование защитить политические права этих сословий. Одним из главных аргументов здесь были исторические основания развития герцогства.

Разъяснение Союзным сеймом данного параграфа в либеральном духе стало бы важным импульсом для развития конституционного движения в Германском союзе в целом. Бундестаг принял решение в духе Венской системы: отклонил меморандум и не поддержал стремления либерально настроенных представителей Гольштейна к конституции²⁶. Однако жители герцогства получили прекрасный урок политического воспитания.

Вслед за провалом миссии Дальмана в Бундестаге в начале 1819 г. последовал новый удар реакции – Карлсбадские решения Союзного сейма, запрещавшие различные свободы в университетах и ужесточавшие цензуру. Историк резко осудил их, подчеркивая политическую составляющую своего несогласия. Такая фрондирующая позиция Дальмана стала многих раздражать. Сначала один из издателей "Документов германской истории", Штейн иносказательно заявил об "обидчивом, неразумном ученом люде", затем поведение Дальмана назвал "неправильным" известный историк Б.Г. Нибур²⁷.

Потерпев неудачу, Дальман погрузился в научные занятия историей. К тому времени он уже был профессором, но еще не заявил о себе как об ученом крупными научными трудами. В 1822 г. Дальман опубликовал первый том сочинения "Исследования в области истории"²⁸. В следующем году вышел второй том. В этом издании были опубликованы работы, которые отличала обширная источниковая база и использование филологического метода критики исторических документов. Дальман познакомился с этим методом благодаря своему учителю Ф.А. Вольфу, дружившему с его родоначальником Нибуrom, а также при личных встречах с последним. Дальман начал осваивать принципы критики источников на античном материале. Первый опыт такого исследования – его работа "О Кимоновом мире"²⁹.

Другое сочинение Дальмана, "Геродот. Из книги его жизни", вошедшее в это издание и тоже посвященное древнегреческой тематике, с точки зрения использования критического метода является еще более ценным. Не оспаривая научных заслуг античного ис-

²⁴ *Дживелегов А.К.* История современной Германии, в 2 ч., ч. 1. СПб., 1908, с. 73–75.

²⁵ *Denkschrift der Prälaten und Ritterschaft des Herzogthums Holstein enthaltend die Darstellung ihrer in anerkannter Wirksamkeit bestehenden landständischen Verfassung, insbesondere ihrer Steuergerechsamte.* Stuttgart, 1840.

²⁶ *Springer A.* Op. cit., Bd. 1, S.152.

²⁷ Цит по: *ibid.*, S.162.

²⁸ *Dahlmann F.C.* Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte, Bd. 1–2. Altona, 1822–1823.

²⁹ *Dahlmann F.C.* Ueber den Cimonischen Frieden. – *Ibid.*, Bd. 1.

торика, Дальман на примере отдельного факта показал действие метода исторической критики. Творчество Геродота он рассматривал на фоне общего обзора истории того времени и объяснял его поведение, опираясь на глубокое изучение сочинений античного историка. Важным достоинством этой работы являлось привлечение сравнительного метода: Геродот оценивался в сопоставлении с Фукидидом. При этом Дальман и здесь остался верен себе: он попытался рассмотреть творчество Геродота сквозь призму потребностей современности, обнаружив в греческой истории в его изложении параллели с освободительными войнами против Наполеона и борьбой греков за независимость³⁰.

Еще одно крупное сочинение этого издания – "Введение в критику истории древней Дании" – посвящено отцу датской истории Саксо Грамматикусу, и главным его достоинством является критика источников, которой Дальман овладел почти виртуозно. Ученый полагал, что значение Сакса Грамматикуса³¹ для истории Севера состоит в использовании им саги. Дальман рассматривал сагу как источник по древней датской истории и исследовал наслоения времен, которые обрели эти сказания, прежде чем были записаны. Он не отвергал их достоверности, стремился обнаружить события, действительно происходившие в истории, и полагал, что саги способны их "прояснить"³².

В эти годы Дальман обрел известность и как публикатор источников на страницах журнала "Kieler Blaetter" ("Кильские листки"). В 1824 г., когда научное руководство изданием перешло к Г. Пертцу, Дальман начал сотрудничать с инициированным еще Штейном издательским проектом по публикации источников по истории Германии³³.

После переезда в 1829 г. в Гёттинген, где ему предложили должность ординарного профессора в университете, он не сразу включился в политическую жизнь королевства Ганновер. В 1830 г. на основе своего лекционного курса ученый по просьбе студентов опубликовал "Источниковедение немецкой истории", в дальнейшем ставшее знаменитым³⁴. К 1838 г. оно выдержало два издания, а после смерти Дальмана, дополненное и несколько переработанное Г. Вайцем, вновь было издано в 1869 – 1875, 1883, 1907, 1912 и в 30-е годы XX в. К настоящему времени это сочинение состоит уже из 12 томов. Последнее, 19-е издание публиковалось с 1968 по 1999 г. и выглядит не просто как учебник по источниковедению, а как развернутая библиография источников по немецкой истории.

Революция 1830 г. оказала на Дальмана сильное воздействие – профессор вновь "окунулся" в политику³⁵. Он принял активное участие в разработке конституции Ганновера и вскоре стал членом ганноверского ландтага. В 1833 г. конституция, одобренная ландтагом, вступила в силу. Конституционный проект Дальман рассматривал в качестве альтернативы тем беспорядкам, которые охватили Гёттинген в 1831 г., лично выступил против бунтующих студентов и встал на сторону короны³⁶. Проект конституции не отличался радикализмом, скорее его можно охарактеризовать как консервативно-либеральный компромисс. В нем было предусмотрено создание двухпалатного парламента с законодательной, налоговой и бюджетной прерогативами, зафиксированы политическая ответственность министров перед ландтагом и отмена дуалистической системы управления финансами в пользу образования единой государственной кассы³⁷. Последнее положение обрело особое значение, поскольку королевский домен терял право финансовой самостоятельности.

³⁰ Dahlmann F.C. Herodot. Aus seinem Buche sein Leben. – Ibid., Bd. 2, S. 170.

³¹ Springer A. Op. cit., Bd. 1, S. 189; Dahlmann F.C. Einleitung in die Kritik der Geschichte von Altdaenemark. – Dahlmann F.C. Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte, Bd. 1, S. 151–487.

³² Ibid., S. 192–213.

³³ Springer A. Op. cit., Bd. 1, S. 189.

³⁴ Dahlmann F.C. Quellenkunde der deutschen Geschichte. Göttingen, 1830.

³⁵ Hansen R. Op. cit., S. 516.

³⁶ Richter A. Das Widerstandsrecht bei Friedrich Christoph Dahlmann. Berlin, 1974, S. 31–32.

³⁷ Ibid., S. 32–33; см. также: Huber R. Verfassungsgeschichte, Bd.2. Stuttgart, 1961, S. 90.

Параллельно с непосредственной политической деятельностью Дальман осмысливал и систематизировал свои представления о политике в целом. В 1835 г. вышел в свет его труд "Политика"³⁸, которому суждено было на многие годы стать визитной карточкой Дальмана-политика и своеобразной иллюстрацией особенностей развития либеральной идеологии на немецком Севере. В этой работе автор изложил учение о государстве.

Существование естественного состояния в развитии человеческого общества он допускал только в качестве вспомогательного средства, которое дает возможность рассматривать возникновение государственных структур как акт человеческого творчества³⁹, и оспаривал ту точку зрения, что государство якобы повсюду выросло из склонности людей к кровопролитию. Важные предпосылки его возникновения Дальман, напротив, видел в одинаковом жизненном опыте народов, основой которого был общий язык⁴⁰. Отстаивая идеи постепенности складывания государства, он, по существу, вставал на позиции отрицания теории общественного договора, а сам процесс возникновения государства называл одной из "глубоких загадок нашего бытия"⁴¹. Автор, размышляя о сути государства, заявлял, что этические принципы не исчерпывают его смысла и поэтому необходимо создавать внешние учреждения, призванные оградить государство от раздоров и утвердить дух примирения. Но все же, считал он, государство не тождественно божественному порядку, хотя "нет ничего ближе к божественному порядку, чем государство"⁴². Внимательное прочтение этого сочинения убеждает нас в том, что его автор видел смысл института государства в правовых учреждениях, защищающих личность⁴³. Исчерпывающей дефиниции государства Дальман не предложил, полагая, что суть государства всегда связана с особенностями эпохи.

Ученый попытался дать определение политики, которая, чтобы быть поучительной, должна не выбирать себе задачи, а воспринимать их такими, какими они являются во времени и пространстве, исходя из переплетения здоровых сил человечества с ущербными. "Политика – это учение о достижении здоровья, не потому, что она дает здоровье, а потому, что раскрывает причины болезни и может минимизировать их", – писал он⁴⁴. Признавая аристотелевскую типологию форм правления, Дальман считал идеальной наследственную монархию с определенной политической и имущественной компетенцией королевской власти и отсутствием ответственности монарха перед парламентом. Наличие парламента было для него необходимым условием монархического правления. Дальман выступал против любых форм абсолютной власти монарха. Допуская существование демократии, он полагал, что она возможна только на ограниченном пространстве, там, где сохранены ценности простых устоев жизни, например, в ахейских городах античного мира или в современном швейцарском кантоне Ури. Аристократическое правление Дальман считал многообразным и утверждал, что это не просто наличие властных полномочий у избранных, но и такие формы, как теократия и олигархия, т.е. в чистом, аристотелевском виде аристократического правления, по его мнению, не существовало⁴⁵.

Большой раздел "Политики" посвящен сопоставлению принципа сословного и внесловного представительства в ракурсе их исторической преемственности. Вопрос об однопалатном или двухпалатном парламенте решался Дальманом без жесткой назидательности, он отмечал, что двухпалатная система лучше защищала от принятия плохо продуманных законов⁴⁶. Что касается управления государством, то автор в чисто либе-

³⁸ *Dahlmann F.C. Die Politik, auf den Grund und Maass der gegebenen Zustände zurückgeführt.* Göttingen, 1835.

³⁹ *Ibid.*, S. 52–53.

⁴⁰ *Ibid.*, S. 54.

⁴¹ *Ibid.*, S. 55.

⁴² *Ibidem.*

⁴³ *Ibid.*, S. 55–56.

⁴⁴ *Ibid.*, S. 56.

⁴⁵ *Ibid.*, S. 59–61, 63–75, 84–99, 103–122.

⁴⁶ *Ibid.*, S. 137–138.

ральном духе большее внимание уделял особенностям местного самоуправления, нежели деятельности государственных чиновников⁴⁷. В соответствии с такой позицией абсолютно органично выглядят главы о роли государства в вопросах воспитания и образования как детей, так и взрослых. Дальман подчеркивал приоритет государства в образовании граждан, совершенно справедливо полагая, что от уровня их знаний зависит успешность политической деятельности и эффективность функционирования государства⁴⁸.

Анализ содержания этого сочинения убеждает нас в том, что просветительские теории естественного права и общественного договора не стали краеугольным камнем учения Дальмана о государстве и принципах политики. Рациональность была принесена им в жертву традиции того времени: история воспринималась прежде всего в качестве фактора политической жизни и такие категории, как государственное устройство, органы представительства, право и система государственных наук, рассматривались исторически, а не в контексте схем Просвещения.

На страницах "Политики" Дальман выступал против любых форм радикальной власти: и абсолютизма, и демократического правления, проявляя максимальную умеренность, которая была характерна для раннего либерализма немецкого Севера. К моменту выхода в свет "Политики" Дальман уже был сложившимся политическим деятелем и, создавая данный труд, мог отчасти опираться и на собственный опыт. Следует заметить, что совсем недавно в Германии наряду с "Источниковедением немецкой истории" была переиздана именно "Политика", которую сопроводила очень обстоятельная статья о данном сочинении Дальмана и его творчестве в целом⁴⁹.

Спустя два года после выхода этой работы популярность Дальмана-политика стала необычайной, хотя середина 1830-х годов была не лучшим временем для утверждения либеральных идеалов. После Гамбахского праздника, посвященного годовщине принятия конституции Баварии, который состоялся в мае 1832 г. и сопровождался произнесением речей и тостов за свободную Германию, либеральное движение вновь попало под пресс системы Меттерниха. Летом 1832 г. по его инициативе были приняты Венские решения, направленные на борьбу с оппозиционными силами. Кургессенский и вюртембергский ландтаги выступили с протестом и тотчас были распущены. Деятельность Союзного сейма вызывала раздражение у оппозиции, и весной 1833 г. группа молодых людей решила овладеть зданием сейма во Франкфурте. Попытка оказалась неудачной и позволила Меттерниху ужесточить принципы Венской системы. Такая ситуация в Германском союзе, естественно, затронула и Ганновер, который продемонстрировал один из ярчайших примеров оппозиционности на немецком Севере. Заметим, что именно в связи с этим событием имя Дальмана появилось на страницах сочинений русских историков⁵⁰.

В июне 1837 г. умер ганноверский король Вильгельм I, который одновременно царствовал в Англии под именем Вильгельма IV, и на престол взошел его брат Эрнст Август, герцог Кумберлендский, давно с неудовольствием относившийся к конституционализму. Отмена конституции стала одним из первых актов по его воцелении на престол. Король никак не ожидал, что отмена конституции вызовет столь мощный протест не только в родном королевстве, но во всей Германии. Либералы поняли, что необходимо защитить конституционализм, так как первые конституции "хрупки, словно мейсенский фарфор". В столице королевства Гёттингене, центре культурной и интеллектуальной жизни Ганновера, против действий нового короля выступили семь профессоров – цвет

⁴⁷ Ibid., S. 201–227.

⁴⁸ Ibid., S. 228–264.

⁴⁹ Bleek W. Friedrich Christoph Dahlmann und sein Werk über "Die Politik". – *Dahlmann F.C. Die Politik*. Leipzig, 1997.

⁵⁰ См.: *Дживелегов А.К.* Указ. соч., ч.1, с. 103–105; *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время, т. 5. СПб., 1908, с. 173–175.

местного университета: Дальман, лингвисты Якоб и Вильгельм Гриммы (известные во всем мире как Братья Гримм), историк Г.Г. Гервинус, юрист В.Э. Альбрехт, богослов и ориенталист Г. Эвальд и физик В. Вебер. Руководителем акции протеста и автором манифеста был Дальман. В манифесте профессора объясняли свой поступок тем, что не могут мириться с отменой конституции, которой принесли присягу: "Плодотворность нашей деятельности обусловлена не столько научной ценностью наших лекций, сколько безупречностью нашего имени. Стоит учащейся молодежи убедиться в том, что мы легкомысленно играем нашей присягой, и сейчас же пропадет вся священная суть нашего влияния"⁵¹. Король пришел в ярость, все они были немедленно уволены, а Дальману, Я. Гримму и Гервинусу по предписанию его величества пришлось покинуть Ганновер. "Гёттингенская семерка" обрела ореол мучеников. Возник так называемый гёттингенский комитет, призванный поддержать пострадавших профессоров. Уже упоминавшийся выше автор статьи о "Политике" Дальмана В. Блек отмечает, что именно тогда читающая публика и проявила огромный интерес к этому произведению, в котором были рассмотрены основные черты конституционной монархии и обосновано право на сопротивление⁵².

В это время Дальман получал множество писем. Ни одно из них он старался не оставить без ответа и всем своим корреспондентам выражал благодарность за поддержку. В письме к Я. Гримму ученый отмечал, что его корреспонденты "выражают не только стремление поддержать патриотический интерес, но и схожесть своих убеждений с нашими"⁵³. Послание к Я. Гримму содержит своеобразный план привлечения других профессоров для поддержки их протеста, чтобы этот протест вызвал отклик и поддержку как в Ганновере, так и во всей Германии⁵⁴. Дальман добился желаемого результата, о чем свидетельствует, например, обнаруженная нами в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Секретного архива Третьего отделения статья из "Napauer Zeitung" ("Ганауерская газета") от 17 сентября 1839 г., где звучит сожаление в связи с отменой конституции Ганновера и подчеркивается, что "отмена основного закона бросает общество в пустыню бесправия"⁵⁵.

Уволенному из университета Дальману трудно было найти работу. Шли переговоры о месте ординарного профессора в университете Ростока, но они резко оборвались. Некоторое время он жил в Базеле, затем переехал в Йену, где опубликовал работу в защиту конституции Ганновера⁵⁶. В ней был представлен подробный анализ отмененной конституции, и прежде всего прав короля. В качестве приложения предлагался сам текст основного закона. Эта публикация имела цель вновь обратить внимание общественности на то, что в конституции Ганновера институт королевской власти не претерпел каких-либо серьезных изъятий, а в заключении Дальман еще раз указал на преемственность новой конституции с уже сложившимся государственным устройством, "чем и обеспечивается прочная и освещенная богом связь между правителями и народами, поэтому счастье и несчастье, слава, честь, страдание и радость одной семьи связаны с правящей династией. Любовь нельзя объяснить, она не терпит принуждения, поскольку это единое чувство – любовь к правителям, отечеству, конституции"⁵⁷.

Здесь же, в Йене, была опубликована еще одна работа в защиту конституции – "Экспертное заключение юридических факультетов университетов Гейдельберга, Йены,

⁵¹ Цит по: *Дживелегов А.К.* Указ. соч., ч. 1, с. 104.

⁵² *Bleek W.* Op. cit., S. 274.

⁵³ Цит по: *Springer A.* Op. cit., Bd.2, S. 12–13.

⁵⁴ Briefwechsel zwischen Jakob und Wilhelm Grimm, Dahlmann und Gervinus. Hrsg. von E. Appel, Bd.1–2. Berlin, 1885; Bd. 1, S. 67.

⁵⁵ Государственный архив Российской Федерации, ф. 109 (3-е Отделение, Секретный архив), оп. 4а, ед.хр. 264, 1839 г., л. 56.

⁵⁶ *Verteidigung des Staatsgrundgesetzes für das Königreich Hannover.* Hrsg. von F.C. Dahlmann. Jena, 1838.

⁵⁷ *Ibid.*, S. 304; см. также: S. 104–209.

Тюбингена по поводу конституционного вопроса в Ганновере⁵⁸. Во введении Дальман отмечал, что значение представленного издания состоит не только в распространении мысли о связи конституции как настоящего блага для страны с немецким старым и новым государственным правом, его происхождением и договорами территорий королевства, но и в распространении политического опыта среди немцев⁵⁹. С последним утверждением Дальмана не всегда можно согласиться, поскольку публикация во многом носит характер исследования юридического казуса с многочисленными отсылками к статьям конституции и апелляциями к терминологии римского права⁶⁰.

Хотя журналы и издатели выстроились в очередь за сочинениями Дальмана, он был вынужден отказаться от публикации подобных работ: после событий в Ганновере ему было запрещено выступать с политическими статьями. Вынужденное политическое бездействие позволило Дальману завершить разработки по датской истории и опубликовать трехтомную "История Дании"⁶¹. За короткое время он подготовил очень объемное произведение. В первой главе первого тома историк писал: "У меня нет особой любви к предмету моих занятий, но хотелось бы изучить те отношения между герцогствами (имеются в виду герцогства Шлезвиг и Гольштейн. – *Н.Р.*) и королевством, которые показывают, как сложилось их взаимное неприятие"⁶². Ученый поставил перед собой задачу – невзирая ни на какие влияния, сконцентрироваться в этой книге на поиске исторической правды, создать обобщающий труд и донести до читателя все проблемы⁶³. В результате он сумел написать такую историю Дании, которая отчетливо проецировалась на Германию.

"История Дании" близка стилистике романтизма. Автору нравилось прерывать повествование собственными размышлениями и доверительными беседами с читателем. Он старался избегать ситуаций, когда прошлое измеряется масштабами современных обстоятельств, т.е. прошлое в этом сочинении было самоценно. Ученый допускал современность в историческое повествование, если необходимо было объяснить характер противоречий в идеомах его времени. Так, размышляя о ситуации после смерти норвежского короля Сигурда, Дальман усматривал причину смутного времени в том, что "привычные нам политические понятия, такие, как неделимость империи, право первородства и рождения наследника в браке, тогда еще не проникли в застывший народный дух"⁶⁴. Историю средневековой Норвегии ученый рассматривал в связи с особенностями природных условий Скандинавского полуострова и назвал горный ландшафт предпосылкой для дальнейшего проживания скандинавских народов в разных государствах⁶⁵.

Много внимания Дальман вновь уделил роли саги в датской истории. Он писал: "По праву ценными считаются познания, способные сохранить себя... Необходимо прекратить спор между сагой и историей, со временем он перерастет в двусторонний мир на основе взаимного признания. Я описываю древнюю историю с помощью французских и английских данных, которые освободились от морального груза наслоений веков. Отдельные исторические факты конечно же содержатся и в сагах. Они, может быть, ис-

⁵⁸ Gutachten der Juristen-Fakultäten in Heidelberg, Jena und Tübingen, die Hannoversche Verfassungsfrage betreffend. Hrsg. von F.C. Dahlmann. Jena, 1839.

⁵⁹ *Ibid.*, S. VI–VII.

⁶⁰ *Ibid.*, S. 348–356.

⁶¹ *Dahlmann F.C. Geschichte von Daennemark*, Bd. 1–3. Hamburg, 1840–1843. В предисловии ко второму тому издания Дальман объясняет, почему в названии своей работы он предложил такое написание (правильное – *Dänemark*). Это – дань средневековой традиции, так пишут шведы, но главное, так говорят в Шлезвиге и Гольштейне и повсюду на датском побережье Балтийского моря (Bd. 2, S. VIII).

⁶² *Ibid.*, Bd.1, S. 14.

⁶³ *Ibid.*, S. VIII.

⁶⁴ *Ibid.*, Bd. 2, S. 354–355.

⁶⁵ *Ibid.*, S. 349–351.

чезнут, но останутся зерна, до сих пор оплодотворяющие историю"⁶⁶. Особенно подробно он рассказывал об исландской поэзии в контексте ее древних корней, подчеркивая, что она была главным источником для Сакса Грамматикуса⁶⁷.

Кроме того, Дальман постоянно обращался к истории Дитмаршена и на его примере восхвалял ценности народной жизни, и прежде всего хозяйственную самостоятельность, имущественные права крестьян, а также их права на участие в судебных действиях и управлении. Изображение Дальманом Дитмаршена очень напоминало описание германских племен Цезарем и Тацитом⁶⁸.

Но интерес к политической жизни Германии проявился и в этом сочинении, поскольку в нем Дальман показал историю независимого существования герцогств Шлезвиг и Гольштейн⁶⁹. Это вызвало очень большое неудовольствие датского короля. Впрочем, историк и не скрывал, что данное сочинение можно рассматривать как дополнительный аргумент в его стремлении решить проблему Шлезвиг-Гольштейна.

В преддверии революции 1848 г. Дальман вновь активно включился в политическую деятельность. Немецкое сообщество ученых, долгое время остававшееся закрытым, самодостаточным сегментом, в это время начало уделять самое серьезное внимание политическому воспитанию народа. Оптимальным способом пробудить интерес к болевым точкам современности либеральные историки считали актуализацию ключевых событий прошлого. Дройзен в то время собирался издавать "Историю государств Германского союза с 1815 г.". Дальман не принял участия в этом начинании, но вопросы политического единства Германии были и для него наиважнейшими, он возлагал надежды на Пруссию и верил, что она станет ядром будущего единого свободолюбивого германского государства, а ее король, по его мнению, своей немецкой концепцией соответствовал роли лидера в германском мире. Однако историк не забывал, что Пруссия долгов противостояла Германии, и его отношение к Фридриху Великому как справедливому правителю сложилось только после серьезного изучения и осмысления его правления. Впоследствии, в 1860 г., Дальман посвятил ему лекцию, ставшую последней в жизни ученого, в которой он представил подробный экскурс в историю Бранденбурга и Пруссии начиная с X в. и размышлял обо всех предшественниках этого просвещенного монарха⁷⁰.

Вера Дальмана в немецкое призвание Пруссии, фактическое отождествление германской национальной идеи с прусской, укрепитя в годы революции 1848–1849 гг. Ученый был избран депутатом первого в истории Германии национального представительства – Франкфуртского парламента (Паулискирхе). На его заседаниях он ратовал за утверждение в едином германском государстве абсолютного вето монарха, двухпалатного парламента и превращение прусского короля в императора Германии. Австрию Дальман предлагал исключить из будущего единого государства, так как в ее составе было много ненемецких земель, а австрийский католицизм не соответствовал, по его мнению, национальной германской концепции.

Позиция Дальмана во Франкфуртском парламенте проявилась при решении Шлезвиг-Гольштейнского вопроса. Весной 1848 г. неожиданно умер датский король Кристиан VIII. Дания поспешила усилить в герцогствах свое влияние, создав в Шлезвиге чисто датское правительство. В ответ в герцогстве было сформировано временное правительство, которое заявило о присоединении Шлезвига к Германии. Вопрос о порядке включения Шлезвига в Германский союз обсуждался на заседаниях Предпарламента (Vorpar-

⁶⁶ Ibid., Bd.1, S. 14.

⁶⁷ Ibid., S. 192–193; Bd. 2, S. 181, 188, 265–268.

⁶⁸ Ibid., Bd. 1, S. 335, 338, 342, 391.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Текст этой лекции находится в рукописном наследии Дальмана, которое хранится в Государственной библиотеке Берлина. Nachlass von F.C. Dahlmann. 324. Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Handschriftenabteilung.

lament), а затем – Франкфуртского парламента. Среди депутатов Паулискирхе преобладали настроения, выраженные Дальманом при получении депутатского мандата: "Я отдаю все свои силы решению Шлезвиг-Гольштейнского вопроса, которому посвятил всю молодость"⁷¹. Ученый полагал, что единение немцев надо начать с решения проблемы герцогств.

2 мая 1848 г. в Данию были введены войска Пруссии, Ганновера и других германских государств. Они одерживали одну победу за другой, но расширения сообщества немцев не произошло: Великобритания и Россия при посредничестве Швеции заставили прусского короля Фридриха Вильгельма IV 26 августа 1848 г. заключить перемирие в Мальме. Решение о перемирии было прежде всего решением Пруссии: именно ее войска под командованием генерала Врангеля были главной ударной силой. Они захватили не только крупнейшие города Шлезвига, но ввиду блокирования датским флотом немецких берегов Северного и Балтийского морей перешли границу герцогства и вторглись в Ютландию. На Пруссию было оказано беспрецедентное давление⁷².

Франкфуртский парламент проявил бескомпромиссность и не признал перемирия. Дальман попал в очень сложное положение – будучи представителем Пруссии, он, по сути, оспаривал ее решение. Используя парламентскую трибуну, он доказывал, что вопрос о том, определяется ли национальность языком, спорный; в Шлезвиге живет много датчан, но юты – это германские племена, которые (создав временное правительство и заявив о своем присоединении к Германии. – *Н.Р.*) защитили свои исконные права в революционной форме, и, если прежде вопрос о ютах не решался, то только из страха перед ведущими европейскими державами. Он также отмечал, что перемирие разрушит единство Германии⁷³. У Дальмана было много единомышленников, причем не только в либеральных кругах. Известный демократ Франкфуртского собрания Р. Блюм прямо заявил, что отношение Паулискирхе к перемирию – это своеобразный тест, который покажет, растворится ли Германия в Пруссии или произойдет обратное. Депутаты подтвердили намерение включить Шлезвиг в состав Германии, что вызвало овацию в парламенте, который тем самым продемонстрировал свое отношение к Венской системе международных отношений. 16 сентября 1848 г. документы о перемирии были ратифицированы Франкфуртским парламентом, правда, с перевесом всего в 22 голоса. Министры центрального правительства во главе с А. фон Шмерлингом заявили, что, если перемирие не будет ратифицировано, то все они уйдут в отставку. Часть депутатов Франкфуртского парламента обратилась к Дальману, непримиримому противнику ратификации, с предложением возглавить правительство, однако коллеги-либералы не поддержали его кандидатуру. В. Иордан, некогда выдвинувший лозунг "Всех датчан к морю!", означавший призыв к захвату немцами территорий Шлезвига и Гольштейна, теперь полагал, что отклонение перемирия сильно навредит международному положению Пруссии. Во Франкфуртском парламенте сформировалось компромиссное мнение, что перемирие – "это не приговор Германии", и оно победило⁷⁴. В этот же вечер во Франкфурте началось восстание под лозунгом "Спасем честь Германии и братьев из Шлезвига и Гольштейна!", которое вскоре потерпело поражение.

Позиция европейских держав не позволила Франкфуртскому парламенту проводить внешнюю политику, соответствующую национальным интересам Германии. Дальман был разочарован, оценил ратификацию этого документа как безрассудство, однако полагал, что у Германии еще есть шанс обрести единство путем утверждения Имперской

⁷¹ Цит по: *Springer A. Op. cit., Bd. 2, S. 268.*

⁷² Об этом подробнее см.: *Блос В. История германской революции 1848 года.* СПб., 1906, с. 156–158; *Революция 1848–1849, т. 1–2.* М., 1952; т. 1, с. 618–623; т. 2, с. 184–185; *Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat. Die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung.* München, 1997, S. 90–91.

⁷³ См. *Springer A. Op. cit., Bd. 2, S. 270.*

⁷⁴ *Блос В. Указ. соч., с. 298–299; Springer A. Op. cit., Bd. 2, S. 299.*

конституции. Обсуждение ее проектов стало центральным вопросом работы Франкфуртского парламента. Принципы малогерманского единства Дальман отстаивал не только на словах, но и на деле. Историк был членом депутации, которая обратилась к прусскому королю с предложением стать императором Германии на основе Имперской конституции⁷⁵. Отказ Фридриха Вильгельма IV от имперской короны резко изменил отношение Дальмана к Пруссии. После подавления революции он отошел от политики и сосредоточился на преподавании в Боннском университете.

Каких-либо серьезных произведений он в это время не опубликовал. В его рукописном наследии тех лет преобладают добротные конспекты лекций по истории Греции, Рима, Германии, России, Польши, Скандинавии, Дании, Англии, Исландии, Шлезвиг-Гольштейна⁷⁶, но есть и манускрипты по истории политики⁷⁷. Внимательный анализ его лекций по истории Российской империи позволяет утверждать, что Дальман остался верен политическому подходу к историческому материалу. Так, он начал излагать русскую историю с конца XVII в. и довел изложение до современных ему событий, включая Крымскую войну, т.е. охватил то время, которое являлось, по его мнению, богатным материалом для политики, уделив особое внимание периоду петровского правления. Он не указывал, какими конкретно источниками пользовался, но в папке подготовительных материалов по последнему периоду истории Российской империи преобладают статьи и вырезки из "Кёльнише цайтунг"⁷⁸.

* * *

Творчество Дальмана стало предметом исследования в годы нацизма. В 1942 г. в Гейдельберге А. Гебел защитила докторскую диссертацию "Государственное учение Фридриха Кристофа Дальмана". Автор актуализировала прежде всего национальные идеи историка, подчеркивая его стремление к созданию империи на основе хорошей конституции, ликвидации партикуляризма князей, разъединения партий, т.е. к тому, что было достигнуто Гитлером. Приверженность Дальмана принципам свободы она объясняла своеобразно немецкого народа, который к тому времени еще сохранял истинно немецкие чувства и не был охвачен западноевропейской идеологией. В бунте "гёттингенской семерки" ею подчеркивалась верность профессора присяге⁷⁹. Другой историк того периода, Р. Хубер показал Дальмана сторонником немецкого единства на основе сильной власти, который понимал свободу в истинно немецком духе. Его симпатии к английскому парламентаризму осуждались, но, считал Хубер, Дальмана оправдывало то, что он был еще не в состоянии изобрести другие формы. Хубер подчеркивал величие его заслуг перед "третьим рейхом"⁸⁰. И Хубер, и Гебел утверждали, что Дальман стоял у истоков формирования имперской идеи, а в его произведениях сформулированы основы национал-немецкого и народного конституционного учения. Книги Гебел и Хубера соответствовали стилистике текущего политического момента.

Политическая составляющая творчества Дальмана впоследствии будет востребована историками ФРГ, ГДР и объединенной Германии. К. Брахер в работе "Об отношении

⁷⁵ Об этом подробнее см.: *Binding K.* Der Versuch der Reichsgründung durch Pauliskirche in den Jahren 1848 und 1849. Leipzig, 1892; *Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituirunden Nationalversammlung*, Bd. 8. Frankfurt am. M., 1849; См. также: *Spinger A.* Op. cit., Bd. 2, S. 247–315.

⁷⁶ *Nachlass von F.C. Dahlmann*, № 258–378. Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Handschriftenabteilung.

⁷⁷ *Ibid.*, № 429–434.

⁷⁸ *Ibid.*, № 373–377.

⁷⁹ *Goebel A.* Die Staatslehre Friedrich Christoph Dahlmanns. Inagural – Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät. Heidelberg, 1942, S. 68–69.

⁸⁰ *Huber R.* Friedrich Christoph Dahlmann und die deutsche Verfassungsbewegung. Hamburg, 1937, S. 13–15, 50–55.

политики и истории", посвященной Дальману, оценивал его значение для современности именно во взаимосвязи политического учения, принципов политики и их отношении к историческому опыту⁸¹. В защищенной еще в ГДР диссертации Д. Люлфинг назвала Дальмана первым политическим историком XIX в., а его "Политику" – главным произведением в наследии либерального профессора⁸². В 1997 г. В. Блек, в унисон с Люлфинг, писал, что Дальман интересен сегодня как ученый, осмысливший исторические основания политики, что позволяет считать его, наряду с Робертом фон Модем и Лоренцем фон Штейном, одним из классиков политической науки⁸³.

Дальман-историк "сохранился" в двух ипостасях: как автор "Источниковедения Германии" и как специалист по истории античной Греции и средневековой Дании. Кроме того, он был блестящим лектором и педагогом, но интерес к нему современного исторического сообщества, с точки зрения формирования моделей познания истории, небольшой⁸⁴. Самый известный его ученик Г. Трейчке, лидер малогерманской исторической школы, скорее компрометировал своего учителя, чем прославлял, когда уже в условиях единой Германии развивал историческое знание в ракурсе политической ангажированности в ущерб теоретической и дидактической составляющим.

⁸¹ *Bracher K.D.* Über das Verhältnis von Politik und Geschichte. Gedenkrede auf Friedrich Christoph Dahlmann. Bonn, 1961.

⁸² *Lülfing D.* Friedrich Christoph Dahlmann – sein Beitrag zur Entwicklung der bürgerlich-liberalen Ideologie im 19. Jahrhundert, 1829–1860. Berlin, 1985 (diss. zur Erlangung des akademischen Grades Doktor Philosophie).

⁸³ *Bleek W.* Op. cit., S. 321.

⁸⁴ *Hansen R.* Op. cit., S. 513–514; *Heimpel H.* Zwei Historiker. Friedrich Christoph Dahlmann. Jacob Burckhardt. Göttingen, 1962.